

Глава 25. Сяюньлоу. Спасение

Электроскутер остановился у входа в аптеку.

Хэ Синьчуань толкнул дверь. Женщина за прилавком подняла голову, удивлённо вскинув брови:

— Синьчуань?

— Что у тебя с шеей? — Ли Хуэйцзюань вышла из-за прилавка.

— Ничего, просто упал. — ответил Хэ Синьчуань.

По голосу сразу было понятно, что это отговорка. Но Ли Хуэйцзюань не стала выпрашивать.

— В больнице был?

— Был.

Хэ Синьчуань оглядел аптеку.

— Сивэнь дома?

— Дома.

Поведение Ли Хуэйцзюань было обычным, без малейшей настороженности. Она смотрела только на его шею, а в её взгляде была лишь тревога.

— Сестра, — сказал Хэ Синьчуань, — нам нужно поговорить.

В прошлый раз, когда они разговаривали, Хэ Синьчуань спрашивал, не нужны ли ей деньги. Хэ Сяохуэй сбил насмерть Цао Янань, и, хотя происшествие признали несчастным случаем, Ли Хуэйцзюань всё равно была обязана выплатить 48 тысяч семье Янань — то есть Цао Чжэнь.

Но, насколько знал Хэ Синьчуань, Цао Чжэнь так и не потребовала этих денег.

Так же великодушно, как и на похоронах.

Работа у Ли Хуэйцзюань была неплохая, иногда получалось подзаработать. Она отказалась от помощи Хэ Синьчуаня, сказав, что они справятся.

— Хорошо. — сказала Ли Хуэйцзюань. — О чём?

Хэ Синьчуань придвинул стул и сел.

Ли Хуэйцзюань стояла рядом, засунув руки в карманы.

— Сивэнь уже восемь, верно? — спросил Хэ Синьчуань.

Ли Хуэйцзюань улынулась:

— Да. Время так быстро летит.

— Когда начнётся учебный год — отправь её в коррекционную школу. Я заплачу.

Ли Хуэйцзюань заметно растерялась:

— Как так? Ты ещё не женат, деньги тебе самому пригодятся.

— Ничего. Я заработаю.

— Нет. Я не могу брать у тебя деньги. Ещё когда Сяохуэй был жив, он говорил, что хоть вы и братья, но не обязаны ничем друг другу. Мы не должны просить у тебя.

— Речь о будущем Сивэнь. Это не мелочь.

Но Ли Хуэйцзюань упорно качала головой:

— Синьчуань, мы с дочкой не можем жить за твой счёт.

— Точно не нужно?

— Точно.

Хэ Синьчуань кивнул:

— Понял.

Он поднялся, вышел, и сел на электроскутер. Дверь аптеки закрылась, и, отражённая в стекле солнечным отсветом, Ли Хуэйцзюань уже не различалась.

Хэ Синьчуань поехал дальше по городку и доехал до детского сада «Айсинь».

Стояла летняя пора, занятий не было — только летний присмотр. Во дворе была игровая площадка, где воспитатели занимались с детьми в тени деревьев.

Цао Чжэнь сидела среди малышей и хлопала в ладоши в такт их игре.

Хэ Синьчуань развернул скутер и уехал.

В лицо бил горячий ветер.

Он расспросил в магазине напротив аптеки и выяснил, что Ли Хуэйцзюань днём никуда не выходила.

Потом спросил охранника у ворот детского сада, и притворившись посетителем проверил журнал посещений — и Цао Чжэнь тоже не покидала детский сад.

В стене парковки больницы зияла проломанная дыра — достаточно широкая, чтобы пройти втроём плечом к плечу.

Рабочие как раз что-то ремонтировали, но их деятельность была обращена в другую сторону, так что никто не замечал, кто проходит через пролом.

Хэ Синьчуань прошёл в отверстие.

Земля была сухая, вся усыпанная спутанными следами. Рабочие часто здесь справляли нужду, поэтому стоял резкий неприятный запах. Впереди зеленела густая, заросшая чаща — девственный, не освоенный участок.

Хэ Синьчуань вышел обратно.

Стемнело. У скутера разрядился аккумулятор.

Он вернулся в Сяо Юньлоу, и поставил скутер на зарядку. Мельком увидев маленькую табуретку у двери холодильной комнаты, он подтянул её и сел. Достал из кармана пачку сигарет, открыл — пусто. И только тогда замер.

Усталость, боль, голод разом нахлынули, словно вырвавшись из глубины тела.

Хэ Синьчуань опустил голову.

Шея болела так, будто вот-вот переломится.

И не только шея, но и плечи, будто какая-то безымянная сила давила сверху. Хэ Синьчуань сжал пустую пачку, резко повернул голову влево — и в тот же миг, молниеносно, развернулся, нанося прямой удар назад.

Тот, кто давил ему на плечи, с глухим звуком рухнул на землю. Хэ Синьчуань мгновенно отступил, увеличивая дистанцию.

Человек на земле сразу поднялся.

Из носа ручьём текла кровь, но он будто вовсе этого не замечал — стоял, остекленевшим, пустым взглядом вперившись в Хэ Синьчуаня. Кровь стекала в рот, перемешиваясь между зубами со слюной, пачкая его жёлтые клыки.

Хэ Синьчуань сразу узнал человека, стоящего перед ним: это был Чжан У с кухни.

- Чжан У.

Он окликнул его.

Чжан У растянул губы в улыбке — кривой, неестественной, почти неживой.

Луна висела высоко в тёмном небе, и в её свете Хэ Синьчуань увидел, что с Чжан У что-то было не так. Он сжал кулаки, выставляя руки для защиты.

- Чжан У. - повторил он, пытаясь ещё раз удостовериться, что перед ним действительно человек, которого он знает.

Но тот лишь продолжал странно улыбаться, а потом вдруг вынул из-за спины большой кухонный нож.

В тот же миг, как блеснуло лезвие, Хэ Синьчуань, не задумываясь ни на секунду, развернулся и бросился бежать.

*

Над ним нависла почти осязаемая, холодная, вот-вот готовая сомкнуть пасть, смерть.

Синь Синь не знал, как долго его держали связанным. Он понимал лишь только то, что ему мучительно хотелось пить, было нестерпимо жарко, а тело ныло от усталости. Голова кружилась, и раскалывалась от боли, но, в отличие от больничной палаты, здесь он не мог провалиться в спасительное забытье.

В сознании одна за другой вспыхивали всевозможные сцены смерти, словно мозг сам подсовывал страшные ответы.

Если честно, в первую ночь после попадания в инстанс он вовсе не думал о том, что может умереть. Ни капли. Пусть даже награда за задание прямо намекала, что риск погибнуть очень велик; пусть он уже несколько раз сталкивался с призраками и однажды даже почувствовал, как близко подошёл к грани, — смерть оставалась чем-то далеким, теоретическим.

Но сейчас — всё было иначе.

Синь Синь прекрасно понимал, что попал в руки к тому, кто всё это время скрывался в тени. Связанные руки и ноги, лишение зрения — вот что по-настоящему заставило его подумать о смерти. О реальной смерти.

Возможно, он действительно умрёт.

Глаза под сомкнутыми веками едва заметно подрагивали. Синь Синь чувствовал, что вот-вот заплачет, но то ли усталость сдавливала горло, то ли страх парализовал чувства, но слёзы никак не шли.

Да... если убийца мог спокойно лишить жизни двоих, третья или четвёртая смерть ничего не изменит.

Расследование - опасное дело. Он знал это. Но всё равно игнорировал опасность — увлечшись противостоянием двум злым духам.

...Хэ Синьчуань.

Его словно током прошибло. Если он исчез, то Хэ Синьчуань теперь тоже в опасности!

Когда они покидали дом №127, Синь Синь почувствовал, будто за ними кто-то наблюдает.

Он тогда стоял вместе с Хэ Синьчуанем во дворе, разбирая фотографии. Увидел, что не хватает нескольких снимков. Хэ Синьчуань предложил съездить в больницу и попросить Кун Мань опознать человека на фото.

И, возможно, тот, кто следил за ними, проследил за ними от самого 127-го дома до больницы. Ждал, пока они разделятся, и похитил его.

Похититель не убил его сразу. Он оставил его здесь, связанного, в темноте. Значит, он был нужен ему живым.

Среди боли, которая разрывала голову, сознание Синь Синя начало постепенно проясняться.

Фотография.

Всё дело в фотографии.

Конечно же, тот, кто похитил его, обыскал его карманы. И, конечно, обнаружил, что нужной фотографии у него с собой нет.

Убийца уже лишил жизни двух человек — возможно, именно из-за этой фотографии. Сейчас, когда снимка у него нет, и убивать его смысла нет.

Нет... если так, то почему же тогда его не отпустить? Разве он знает, кто его похитил?

Синь Синь постарался выровнять дыхание. Очень медленно. Он приказал себе сохранять холодную голову, и посмотреть на всё с другой точки зрения, будто это происходит не с ним.

Раз похититель следил за ними, значит знает, что они с Хэ Синьчуанем всё время были вместе.

Значит, всё, что узнал Синь Синь, — знает и Хэ Синьчуань. И убийца понимает это.

А может, он неотрывно следил за ними все эти два дня.

И теперь, когда они подошли слишком близко к правде, он просто не смог больше ждать.

Синь Синь с трудом сглотнул, и язык коснулся мокрой ткани, пропитанной горечью.

И в этот миг он всё понял.

Убийца хочет использовать его как наживку. Он нужен, чтобы заставить Хэ Синьчуаня прийти к нему. Вернуть фото... Нет — этого мало.

Если Хэ Синьчуань уже разгадал тайну снимка, если успел понять кто убийца, то по его логике должен умереть и Хэ Синьчуань.

Синь Синя трясло.

Он — приманка. Его оставили в живых только для того, чтобы выманить Хэ Синьчуаня.

Когда Хэ Синьчуань появится — они оба умрут.

Хэ Синьчуань...

Голова Синь Синя бессильно упала вперёд, но ошейник или верёвка вокруг шеи резко дёрнули назад, заставив его вновь запрокинуть голову.

Он мысленно произнёс:

Не приходи за мной.

Пожалуйста... не приходи меня спасать.

*

Как говорится, если у прохожего нож, даже Тайсон убежит.

Хэ Синьчуань пригнувшись рванул к переднему двору.

Сейчас был самый разгар работы ресторана — впереди гремели голоса, бурлила работа. Если бы кто-то пришёл на помощь, ситуация могла бы перевернуться в один миг.

Арка, ведущая во внутренний двор, уже была совсем близко. Хэ Синьчуань вбежал в неё, но шум, который с заднего двора слышался приглушённым гулом, вдруг словно отдалился. Он резко остановился — перед ним зияла распахнутая дверь холодильной камеры.

Он обернулся — позади, размахивая кухонным ножом, безумно мчался Чжан У.

В этот опасный момент Хэ Синьчуаню неожиданно вспомнился Синь Синь, лежащий в холодильнике, ресницы которого покрылись инеем от холода. Он метнул взгляд на дверь, из которой клубился мороз, потом резко наклонился и схватил с пола пластиковый табурет.

Он со всей силы нанёс встречный удар взметнувшемуся ножу.

Раздался глухой треск.

Лезвие вонзилось в пластиковый табурет, а острière прорезало край и полоснуло Хэ Синьчуаня по плечу. Он тихо выдохнул от боли и сквозь пластик взглянул в горящие, налитые кровью глаза Чжан У — тот всем телом давил на рукоятку ножа, пытаясь прорубить себе путь.

После смерти Чжао Хунвэя народу на кухне стало меньше, работы — больше. Чжан У был самым возрастным среди поваров. У него был сын, учившийся в городском лицее; мальчика холили и лелеяли, поэтому жена уволилась и переехала в город, чтобы быть рядом и помогать с учёбой.

Когда Хэ Синьчуань только осваивался, Чжан У был его наставником. Но так уж повелось, что, когда ученик встаёт на ноги, мастер начинает голодать. И теперь, когда Хэ Синьчуань вот-вот должен был стать главным шефом, шанс у Чжан У исчезал окончательно.

Хэ Синьчуань резко ударил ногой Чжан У в грудь. Тот отлетел назад, растянувшись на полу, а нож вылетел из его рук и остался торчать в пластиковом табурете.

Стиснув зубы, Хэ Синьчуань выдернул нож из пластика. В этот момент Чжан У уже поднялся и бросился на него, раскинув руки, теряя остатки рассудка — словно обезумевший зверь, он голыми руками попытался выхватить нож из руки Хэ Синьчуаня, схватив его прямо за рукоять.

Лицо Чжан У оказалось так близко, что чувствовалось его горячее, прерывистое дыхание. Кровь из носа струилась, заливая нижнюю половину лица, создавая маску безумия. Между зубами блестели ниточки крови; он размыкал и смыкал губы, рыча:

- Убью тебя! И тогда главным шефом стану я!

То, что происходило перед ним, могло быть иллюзией, созданной призраком.

А мог быть и настоящий человек, одержимый какой-нибудь нечистью.

Хэ Синьчуань крепче сжал нож. В его глазах вспыхнула холодная, почти звериная жёсткость.

Он сказал:

- Чжан У.

- Если умрёшь — не вздумай за мной приходить.

Хэ Синьчуань резко поднял колено и ударил Чжан У в живот. Затем перехватил его руку, развернул и бросил через плечо. Тело Чжан У грохнулось на пол так тяжело и глухо, что стало не по себе. Но Хэ Синьчуань не дал ни секунды ему на передышку — схватил его за одежду, и со всей силы ударил его головой о дверь холодильной камеры.

Раздался ещё один леденящий душу удар.

На руку Хэ Синьчуаню с рассечённого лба Чжан У плеснула тёплая кровь. Чжан У закрыл глаза и обмяк, перестав сопротивляться.

Хэ Синьчуань разжал пальцы, но нож не отпускал. Он стоял, тяжело дыша, и внимательно смотрел на распростёртого на полу Чжан У. Примерно через пять минут он медленно отступил назад, создавая дистанцию.

Он набрал номер.

- Алло, скорая? - сказал он, присев на корточки сбоку, всё ещё сжимая в руке нож. - У нас человек ударился головой и потерял сознание.

Завершив звонок, Хэ Синьчуань ещё немного постоял, глядя на лежащего без сознания Чжан У, убеждаясь, что наваждение окончательно прошло. После этого он поднялся, подошёл к раковине, вымыл нож и вернул его на кухню.

На миг у него действительно мелькнула мысль — а не ударить ли по-настоящему. Добить.

Это был не шёпот мстительного Чжао Хунвэя. Это было его собственное желание. И он хорошо это понимал.

Но всё же он не поддался.

Руки дрожали, когда он открыл кран. Он наклонился и сделал несколько больших глотков холодной воды.

Ледяная вода, стекая по горлу, чуть притупила жгучую боль в шее. Хэ Синьчуань повёл плечом, подставляя себя под поток — рана оказалась неглубокой, лишь кожу немного задело. Красная вода стекала, разбавляясь водой до розового оттенка, а боль медленно уступала место тупому, гулкому онемению. Умывшись холодной водой, он постоял так несколько минут, пока усталость не отступила немного.

Закрыв кран, Хэ Синьчуань встряхнул головой, стряхивая капли воды, и ладонью провёл по лицу.

Вдалеке, постепенно приближаясь, послышался протяжный вой сирены. «Скорая» уже была близко. С Чжан У ничего не случится, ведь Хэ Синьчуань точно рассчитал силу удара.

Он поднял взгляд в глубину ночи — туда, где царила тёмная пустота.

И сказал себе:

— Я должен спасти его.

<http://bllate.org/book/12899/1133665>